

был награжден в 1916 г. орденом Св.Владимиром 4 степени с мечами. За 1914г. на фронте было убито 27 священников и иеромонахов, ранено 67, пропало без вести 14. [18]

За три года войны строительство новых церквей и монастырей не прекратилось. Так, за период 1912-1916 гг. только в Пермской епархии было основано 4 монастыря и построено 49 церквей. Тем не менее, именно в период войны в стране в целом и на Урале, в частности, происходит упадок веры. Например солдаты 698-ой Пермской дружины государственного ополчения возбудили ходатайство о замене духовных бесед дружинного священника лекциями по гигиене и по вопросам текущей политической жизни. Священник вынужден был прекратить свои беседы еще до получения ответа. В 1917 г. редакция "Пермские епархиальные ведомости" отмечала, что в Красноуфимском, Оханском, Соликамском и Пермском уездах имелись "...целые районы с заводским фабричным населением, которые с давних пор стремятся к мирской свободе" [19]

С одной стороны, патриотический энтузиазм 1914 г. сменяется разочарованием, с другой стороны, религиозный подъем идет на убыль, зато растут и становятся популярными в российском обществе антицерковные настроения.

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С.15-16.
2. Там же. С.279.
3. Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 23-24. Отд.неоф. С.468-471.
4. РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.2658. Л.25.
5. РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.2632.Л.38.
6. Там же. Л.40.
7. Там же.
8. Там же. Л.38.
9. Всеподданнейший отчет... за 1914 год. Пг., 1916. С.67-68.
10. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С.13-14.
11. Там же. С.80-85.
12. Там же. С.6-8.
13. Там же. С.28-29.
14. Там же. С.15-16.
15. Там же. С.17-20.
16. РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.2636. Л.26.
17. Дар жителей Пермского края 101-му Пермскому полку. Пермь, 1916. С.1-19.
18. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С.36, 49; РГИА. Ф.797. Оп.97. Д.483. Л.71.
19. Пермские епархиальные ведомости. 1917. № 7-8. Отд. неоф. С.144.

М.Ю.НЕЧАЕВА (Екатеринбург)

ГРАМОТНОСТЬ МОНАШЕСТВА ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Один из важнейших показателей уровня развития культуры - грамотность различных социальных групп - давно стал темой исторических исследований. Однако монашество до сих пор остается практически не изученным в данном отношении. Тем не менее, без анализа этого вопроса будет неполным само понимание роли и места монастырей в культурно-религиозной жизни России и отдельных ее регионов, а также осмысление феномена монашества как формы проявления религиозности общества.

Для историографии монашества характерны работы, посвященные отдельным наиболее ярким его представителям в лице основателей крупнейших обителей и известных религиозных подвижников. Такие исследования, как правило имеющие характер исторической биографии, построенной на агиографическом материале, особенно распространены в церковной историографии, хотя агиографические источники использовались и в трудах светских историков. Грамотность монашества в различные исторические периоды при этом не изучалась, хотя при описании жизни отдельных подвижников благочестия из среды иночества обычно указывалось, где они получали образование. Вопрос о типичности сделанных таким образом наблюдений для монашества в целом остается открытым.

Если для российского монашества вплоть до начала XVIII в. эта тема может быть рассмотрена лишь на основе житийной литературы, то для более позднего периода возможности исторического исследования значительно шире. Введение при Петре I системы ежегодного составления по всем монастырям страны ведомостей о монашествующих, в которых фиксировалась и их грамотность, позволяет анализировать данную проблему на массовом материале. Поскольку указанная система отчетности без существенных изменений просуществовала вплоть до 1917 г. и возрождается в наши дни вместе с восстановлением монастырей, на ее базе можно проводить серьезный анализ уровня образовательной подготовки русского иночества почти за трехвековой период. Тема данной публикации значительно уже показать типичный для уральского монашества начала XX в. уровень грамотности и его влияние на последующий статус человека в монастыре.

Екатеринбургская епархия, образованная в 1885 г., охватывала территорию восточного склона Уральских гор и включала пять уездов: Екатеринбургский, Верхотурский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский. Первые монастыри на этих землях возникли еще в начале XVII в., и на 1914 г. в епархии было 12 монастырей и 3 женские религиозные общины, насчитывающие около трех тысяч монашествующих и послушников.

Часть обителей находилась в достаточно необжитых местах, далеко от крупных населенных пунктов. К их числу относится один из трех мужских монастырей епархии - Кыртомский Крестовоздвиженский, основанный как община в 1872 г. и получивший статус монастыря в 1893 г. Он располагался на границе Пермской и Тобольской губерний, в 130 верстах от Нижнего Тагила в болотистой и пустынной местности. Из числа женских весьма отдаленными были Бобровская Алексеевская община, находившаяся от Кыртомского монастыря в 20 верстах, в также целый ряд других обителей, возникавших неподалеку от сел и деревень, по которым и получали свое название: Грязновская Покровская и Усть-Карабольская Покровская общины, Красносельский Введенский, Колчеданский Покровский, Верх-Теченский Свято-Троицкий монастыри. [1] В данной статье использованы материалы ведомостей о монашествующих и послушниках 4 из них: Кыртомского (1907, 1908, 1912 и 1913 гг.), Красносельского (1907 и 1908 гг.), Колчеданского (1908 г.) монастырей и Бобровской общины (1912 и 1913 гг.), сохранившиеся в архиве до наших дней. [2]

Много монастырей было основано при крупных поселениях Урала - заводах и городах. К их числу относятся два мужских монастыря - Верхотурский Николаевский и Далматовский Успенский, существовавшие на территории городов. Из числа женских при заводах были основаны Каслинский Казанско-Богородицкий, Каменский Преображенский, Нижне-Тагильский Скорбященский монастыри; в г. Екатеринбург-

ге, крупном заводском центре, существовал женский Ново-Тихвинский монастырь, самый большой в епархии, в г. Верхотурье - Покровский монастырь, а рядом с этим городом - Успенский. Ведомости 6 из них использованы нами: Верхотурского Николаевского (1907, 1908, 1912 и 1913 гг.), Далматовского (1907 и 1908 гг.), Нижне-Тагильского (1907, 1908, 1912 и 1913 гг.), Верхотурских Покровского (1907, 1908, 1912 и 1913 гг.) и Успенского (1912, 1913 и 1918 гг.). [3]

По социальному происхождению своих насельников все монастыри и общины были достаточно однородны. Подавляющее большинство монашествующих и послушников составляли выходцы из крестьянства: в мужских монастырях их было 76 %, в женских 90,4 %. На втором месте по численности стояли мещане и купцы: в мужских обителях их было 11,4 %, в женских 5,7 %. Следует отметить, что в наиболее отдаленных монастырях - Кыртомском, Колчеданском, Бобровской общине - мещан и купцов было значительно меньше, чем в городских и заводских обителях (исключение составлял Нижне-Тагильский монастырь, где представителей данной социальной группы тоже было мало). Выходцев из семей горнозаводского населения в монастырях было мало, даже в тех из них, которые находились при заводах: в мужских обителях - 0,2 %, в женских - 1 % (в основном, в Нижне-Тагильском монастыре).

Послушниками могли стать люди любого возраста - как весьма юные, еще несовершеннолетние, так и 70-80-летние старцы, - однако большинство поступали в монастырь именно в молодые годы. Так, в мужские обители половина послушников приходила в возрасте 15-29 лет, а средний возраст поступления в монастырь составлял 32 года; в женские обители 77 % послушниц поступали в возрасте 10-24 лет, а средний возраст составлял 21 год. Совсем юных послушниц приучали к клиросному пению, учили грамоте и рукоделиям, не ставя на тяжелые работы. Из послушнического состояния можно было вернуться в мир, и наибольшее число послушников, если они покидали монастырь, делали это в первые год-два пребывания в нем. Монастыри и общины начала XX в. не имели больших земельных и денежных средств и содержались в основном за счет труда своих обитателей, мало отличавшегося от распространенного в крестьянской среде: насельники обителей обрабатывали земельные наделы, устраивали небольшие "заводы", точнее, мастерские, в которых работали всего несколько человек - кожевенный при Кыртомском монастыре, кирпичные при Екатеринбургском, Нижне-Тагильском, Красносельском; шорные, сапожные, ткацкие, портные и др. мастерские, широко распространены были женские рукоделия. [4] Таким образом, уход в монастырь не приводил к кардинальному изменению круга занятий и к более привилегированному статусу. Поэтому бытовавшее в советской историографии утверждение о том, что поступление в монастырь было порождено материальной и житейской неустроенностью в миру, [5] следует признать достаточно тенденциозным: возраст в 24-28 лет вряд ли является временем серьезных житейских разочарований и трудовой немоши. Гораздо обоснованнее предположить, что выбор иночества являлся результатом нравственных и религиозных исканий.

Срок между поступлением в обитель и принятием пострига - искус, испытание прочности религиозных устремлений, был длительным. В мужских монастырях он составлял в среднем 6 лет, в женских - 26. В результате постриг принимали уже в достаточно зрелом возрасте - мужчины, в среднем, в 41 год, а женщины в 48.

Само пребывание в монастыре должно было приближать человека к Богу, наполнять его жизнь религиозными размышлениями. Однако религиозное осмысление действительности может происходить на различном уровне - как на основе житейс-

ки-эмоционального восприятия ограниченного круга священных и религиозных текстов, так и на основе приобщения к широкой палитре теологической, философской, исторической литературы. Естественно, это во многом зависело от того, какое образование имели насельники монастырей, позволяло ли оно им приобщаться к тем источникам знаний, которые имелись в обителях.

Неграмотными и малограмотными в мужских монастырях оказывались до 37 % проживающих в них, в женских монастырях до 24 %. Им оставался один путь приобщения к религиозной литературе через устное восприятие. В обителях существовала практика чтения вслух специально назначенными чтецами текстов из священного писания, житий святых, духовно-нравственных книг по выбору настоятелей в присутствии всех монашествующих и послушников, как правило, после трапезы. [6]

На фоне этих общих статистических показателей можно выделить некоторую специфику соотношения грамотных и неграмотных насельников в различных монастырях. Так, среди мужских обителей меньше всего грамотных имелось в самом отдаленном - Кыртомском монастыре (40 %), тогда как в Далматовском и Верхотурском их численность была значительно выше соответственно 68 и 72 %. Среди женских монастырей и общин также наиболее отдаленные обители отличались низким уровнем грамотности: в Бобровской общине грамотных было всего 14 %, в Красносельском монастыре - 59 %. Городские и заводские женские монастыри имели от 74 до 83 % грамотных насельниц, среди них наиболее "грамотным" был Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь. Наибольший процент грамотных был, однако, в Колчеданском Покровском женском монастыре, относящемся к числу сельских, - до 94 %. Из числа грамотных насельников люди, получившие образование в самой обители, составляли значительную долю только в Екатеринбургском и Колчеданском монастырях - соответственно 70 и 77 % от числа грамотных. В мужских монастырях братия практически не пополнялась за счет выпускников своих школ, хотя училища имелись и при Далматовской, и при Верхотурской Николаевской обителях. Таким образом, соотношение грамотных и неграмотных в большинстве монастырей и общин епархии было не столько результатом целенаправленных усилий самих обителей по обучению своих насельников, сколько результатом выбора послушниками того или иного монастыря: в отдаленные обители меньше приходило грамотных послушников, которые предпочитали поступать в городские и заводские обители. Показательно и то, что постоянное внимание к этому вопросу в сельском Колчеданском монастыре вывело его на первое место среди обителей епархии по числу грамотных людей.

Существовали и определенные возрастные ограничения хотя и не жесткие - на обучение в монастыре. Так, среди поступивших в монастырь в 10-14-летнем возрасте большинство становились грамотными, потом эта тенденция все более ослабевала, и после 30-ти лет неграмотных, как правило, уже не обучали. Эта картина характерна для женских обителей, в мужских монастырях образованием послушников практически не занимались.

Сопоставление нескольких ведомостей по одному и тому же монастырю позволяет проанализировать уровень грамотности послушников, покинувших монастырь и вернувшихся в мирское состояние. В большинстве обителей соотношение грамотных и неграмотных послушников, покинувших монастырь, мало отличалось от общего соотношения этих категорий среди насельников обителей, следовательно, на решение послушника оставить монастырь до окончания искуса уровень грамотности практически не влиял. Иная картина только по Екатеринбургскому Ново-Тихвинскому

монастырю: если в целом среди его насельниц неграмотные составляли 17 %, то среди покинувших монастырь 33 %. По-видимому, образ жизни в этой обители в меньшей мере отвечал ожиданиям неграмотных послушниц.

В некоторой степени грамотность учитывалась при принятии пострига: среди иночества число грамотных составляло 71 % в мужских и 87 % в женских монастырях, что превышает соответствующие показатели в целом по насельникам обителей на 8-11 %. Грамотным отдавалось незначительное предпочтение при постриге, хотя критерий грамотности никогда не был главным в оценке достоинств послушника.

Учитывая молодой возраст поступления в монастырь большинства насельников, можно предположить, что некоторое влияние на принятие такого решения имела система образования в миру. Среди "грамотных" обитателей мужских обителей 65 % составляли люди, получившие образование в доме родителей или т.н. "домашнее", т.е. на дому у учителей, не имеющих специального образования, но способных обучить детей чтению и письму. Среди грамотных насельниц женских монастырей до 36 % имели такое образование. Явно прослеживается тенденция поступления людей с домашней формой обучения в городские и заводские монастыри: по-видимому, об отдаленных монастырях домашние учителя не сообщали, поэтому молодые люди выбирали тот монастырь, который был им известен. Особенно популярны в этом плане были Верхотурские Николаевский мужской и Покровский женский монастыри - старейшие в епархии и осененные близостью к культовым местам Симеона Верхотурского, весьма почитаемого на Урале праведника. В них соответственно 72 и 98 % насельников имели образование, полученное на дому.

Послушники, учившиеся в школах, могли пройти либо через светскую, либо через церковную образовательную систему. В мужских монастырях среди людей, кончивших различные учебные заведения, несколько преобладали насельники со светским образованием (в среднем 57 %), а в женских монастырях - учившиеся в церковных школах, в том числе и при самих монастырях (88 %).

Если при обучении на дому, как правило, давали только навыки чтения и письма, иногда только чтения, то и уровень подготовки в учебных заведениях был невысок. Большинство послушников получало лишь начальное образование. Людей с высшим образованием насчитывались единицы: из 2363 насельников уральских монастырей, образование которых зафиксировано, только 7 могут быть отнесены к этой категории. Среди женщин лишь одна кончила Высшие женские курсы - послушница Нижне-Тагильского монастыря Евгения Гендрихова, происходившая из дворян и выполнявшая в 1907—1912 гг. обязанности письмоводительницы. В ведомостях 1913 г. она уже не упоминается. Среди братии Верхотурского Николаевского монастыря только двое имели высшее образование, в Далматовском Успенском 1 человек окончил Томский технологический институт, в Кыртомском монастыре числились двое "ученых" и один человек с техническим образованием, что, возможно, означает наличие у них высшего образования.

Уровень образования, даваемый послушникам в стенах самих монастырей (женских), был достаточно невысок (в мужских же система такой подготовки вообще отсутствовала). Если обучение проводилось в индивидуальном порядке самими насельницами монастыря, то оно сводилось к навыкам чтения и письма или только чтения. При большинстве женских обителей существовали и специальные школы или училища, как правило, дававшие знания в объеме программы 1-2-х классной церковно-приходской школы. В таких школах преподавали сами монахини и послушницы

монастыря и священники обительских храмов. Училища частично или полностью содержались на средства монастырей-учредителей. Неграмотных послушниц в возрасте примерно до 15 лет часто обучали в таких школах. Помимо навыков чтения и письма там преподавали катехизис, краткую церковную историю, начала арифметики. Кроме того, обучали рукоделиям, иногда домоводству и огородничеству. [7] Особое внимание школе уделяли при Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре, где подобное училище в 1865 г. было преобразовано в четырехклассное, [8] в котором преподавали и географию, и русскую и церковную историю, а в 1880 г. оно получило статус епархиального женского училища с 6-классным курсом обучения, став таким образом средним учебным заведением. Высоко было поставлено в Екатеринбургском монастыре и обучение рукоделиям: послушниц еще в 20-40-е гг. XIX в. отправляли в наиболее прославленные своими ремесленными традициями обители России, и именно эта плеяда мастериц, вернувшись на Урал, положила начало многочисленным рукодельным мастерским в своей родной обители. Впоследствии екатеринбургские рукодельницы обучали и насельниц других монастырей и общин епархии. Только в Ново-Тихвинском монастыре практиковалась и роспись по фарфору. В Екатеринбургском, Красносельском, Верх-Теченском монастырях, Бобровской общине специально обучали иконописанию. [9] В целом, система обучения в монастырях была направлена на преподавание минимального круга общеобразовательных дисциплин и развитие некоторых ремесленно-рукодельных навыков.

При монастырях не только обучали, но и воспитывали. Показательно, что послушницы, получившие образование в обителях, значительно реже покидали его, чем послушницы, получившие образование в миру. Так, если в целом среди насельниц монастырей число обучившихся грамоте в них составляло 38 %, то среди покинувших монастырь в ходе искуса их доля достигала всего 10 %. Доказательством того, что в ходе обучения воспитывались определенные личностные качества, позволяющие наиболее органично принимать монастырский образ жизни, является и тот факт, что среди принимавших иноческий сан послушниц доля обученных в обители составляла 56 % им явно отдавалось предпочтение по сравнению с другими.

Для индивидуального приобщения послушников и монашествующих к различного рода знаниям, прежде всего религиозным, церковным, монастырях епархии тоже были не совсем равные условия. Наличие особых библиотек фиксируется далеко не по всем обителям. Обширные книжные собрания были при Верхотурском Николаевском монастыре (на 1910 г. - более 3500 экземпляров), при Далматовском Успенском монастыре, где братии вменялось в послушание чтение религиозной литературы, а в библиотеке имелись не только книги, но и церковные и светские журналы. Вероятно, хорошая библиотека была при Екатеринбургском монастыре, известно о наличии библиотеки при Красносельской обители. [10] Богослужебные книги и литература духовного содержания были, несомненно, и в других монастырях, хотя в качестве отдельной библиотеки они могли и не фигурировать. При Верхотурской Николаевской обители существовала крупная книжно-иконная лавка, обеспечивавшая религиозной литературой окрестные церкви, монастыри и паломников, и, конечно, новинки среди религиозных книг отбирали и для монастырской библиотеки. Именно в тех обителях, где фиксируются особые библиотеки, процент грамотных насельников был значительно выше.

Подводя итоги, следует отметить, что образовательный уровень уральского монашества мало отличался от уровня грамотности той среды, из которой и формировался

состав насельников, - прежде всего, крестьянской. В целом, грамотность не являлась определяющим критерием ни при принятии пострига, ни при уходе из монастыря во время искуса. В отношении различных монастырей к грамотности своих обитателей можно выделить некоторые особенности, в частности, преобладающее внимание к грамотности именно в городских и заводских монастырях, при более низком уровне грамотности насельников сельских обителей, хотя целенаправленные усилия монастырского начальства в некоторых из них (Колчеданский женский монастырь, в некоторой степени и Красносельский) могли кардинально изменить эту картину. Выбирая, в какую обитель поступить, грамотных люди чаще останавливались на городских и заводских монастырях. Сам иноческий образ жизни в провинциальных уральских обителях не предполагал обязательной грамотности и самостоятельного систематического знакомства насельников с церковно-религиозной литературой, хотя определенные возможности для этого были. Сам же уровень грамотности большинства насельников монастырей заставляет предположить, что типичным для них было отсутствие знаний в области теологии, церковной истории, не говоря уже о светских дисциплинах, поскольку начальное образование явно не позволяло разобраться в этих предметах.

1. Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковно-служителей. Репринт. М., 1993. Ч. II. С.1448-1449.
2. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.681, 688, 719, 731.
3. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.681, 688, 719, 731, 734.
4. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.493. Л.132об., 135; Д.563. Л.2-3, 30-30об.; Д.573. Л.197-197об.; Д.726. Л.43-44, 56-60об.; Ф.698. Оп.1. Д.346. Л.13об., 39об.-41об.; Баранов В.С. Кыртомский Крестовоздвиженский общежительный мужской монастырь Екатеринбургской епархии Пермской губернии. Пермь, 1907; Павловский С. Казанско-Богородицкий женский общежительный монастырь в Каслинском заводе Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1904; Он же. Нижне-Тагильский Скорбященский женский монастырь Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1905 г. Отдел неофициальный. № 10. С.305-320; Иконников В. Историческое описание Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. Спб., 1875. С.18-19.
5. Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921 гг.). М., 1975. С.26.
6. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.726. Л.43об-44.
7. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.493. Л.108об., 133, 135об.; Д.563. Л.3об.-4; Д.726. Л.45, 59об.-60; Иконников В. Указ.соч. С.2, 91-96.
8. Иконников В. Указ. соч. С.97-102.
9. Там же. С.18, 48-49; ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.563. Л.30; Д.726. Л.43об., 59; Ф.698. Оп.1. Д.346. Л.40об.
10. От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI-XVIII веков. Екатеринбург, 1994. С.74-88; ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.493. Л.95об., 171об.; Ф.698. Оп.1. Д.346. Л.37.

М.А НОВИЧКОВА (Екатеринбург)

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА УРАЛЕ XVI - XVIII ВВ. В XVI в.

В присоединенных к Русскому государству приуральских землях сложились органы управления новыми территориями и система административного деления. Территория Перми Великой была разделена на Верхнюю и Нижнюю земли, внутри которых центрами сельских округов становились погосты. Чердынь и Соликамск стали